

ФИЛОСОФИЯ

УДК 796:001.891

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. А. Богданова

Педагогический институт Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: maraleks27@mail.ru

Считая невозможным адекватно описать спортивную деятельность в рамках тех подходов, которые традиционно используются в исследованиях по физической культуре, автор предлагает гуманитарный взгляд на спорт, исследование спорта и спортивной деятельности с позиции смысла. Этот метод анализа ценностного содержания спорта позволяет более глубоко понять его природу.

Ключевые слова: спортивная деятельность, индивидуализирующий метод, гуманитарный подход, гуманитарное знание, когнитивная наука, смысл, М. М. Бахтин, экзистенциальные установки, античный спорт, агональность, современный спорт.

Theoretical and Methodological Grounds of Sport Activity Research

M. A. Bogdanova

Author considers that it is impossible to describe sport activity sufficiently within the approaches used in studying physical culture traditionally. Author suggests a humanitarian view on sport. It means researching in sport and sport activity from a position of sense. The method of studying sport from sense position, analyzing of its value content allows considering the nature of sport more deeply.

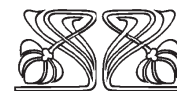
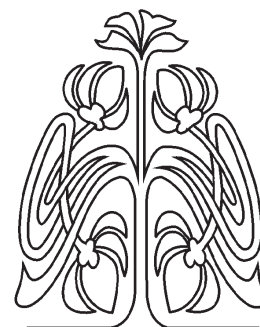
Key words: sport activity, individualizing method, humanitarian approach, humanitarian knowledge, cognitive science, sense, M. M. Bakhtin, existential aims, ancient sport, agonality, modern sport.

Несмотря на безусловный интерес к спорту, наблюдаемый в последнее время, следует отметить, что он продолжает оставаться непроясненным для науки явлением и многие аспекты его социального бытия все еще не осмыслены в достаточной степени.

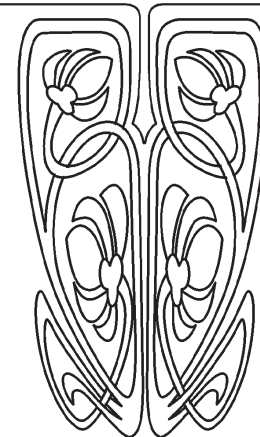
Спорт есть феномен гораздо более сложный, многогранный и глубокий, нежели представляется с первого взгляда. У него есть своя тайна, метафизика, своя потаенная область, проникнуть в которую чрезвычайно интересно для философствующего ума. В начале прошлого века М. Шелер заметил: «Вряд ли какой другой феномен в мире заслуживает сегодня в такой же степени глубокого социально-философского и психологического изучения, как спортивная деятельность. Спорт безмерно вырос в своем значении, но изучению смысла спорта не уделяется должного внимания»¹.

Наряду с поиском ответов на вопросы о содержании, структуре, функциях спорта, о причинах его возникновения и закономерностях существования необходимо, по-нашему мнению, анализ *смысла, значения, ценности*, т. е. специфически человеческого измерения спортивного явления.

Нам представляется перспективным исследование спортивной деятельности как определенной точки культурного процесса, как результата складывания и развертывания тех социокультурных пред-

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

посылок, которые определяют ее исторические формы, ментальное наполнение, престижно-знаковые ориентиры. Задача эта довольно сложна, поскольку спортивная деятельность как одна из разновидностей деятельности социального человека – это крайне разноплановый феномен в отношении того эмпирического материала, которым он представлен. Данное обстоятельство легко обнаруживается с первых шагов исследовательской деятельности ученого. Наиболее очевидным образом эта разноплановость раскрывается как факт принципиальной нетождественности, несовместимости объективного и субъективного моментов, неизбежно присутствующих в составе любого культурного феномена. «Человек, это жизненное единство, в силу двоякости нашего восприятия <...> существует для нас по внутреннему самоощущению как система духовных явлений, а по свидетельству чувств, наоборот, – как телесное целое. Внутреннее самоощущение и внешнее восприятие никогда не осуществляются в одном и том же познавательном акте, и потому факт духовной жизни никогда не дан нам одновременно с фактом нашей телесной жизни»².

Спортивная деятельность как один из бесчисленного множества видов деятельности осуществляется осознующим себя человеком – иначе говоря, она совершается рефлексивно, т. е. специфическим образом отражается сознанием человека. Эта деятельность имеет не только видимый внешний план своего бытия, но и внутренний, сокрытый от непосредственного наблюдения, не имеющий предметно-пространственной выраженности. В силу этого поведение наблюдаемого исследователем «объекта» (действующего спортсмена) перестает быть, строго говоря, «естественным», т. е. таким, которое возможно адекватно описать в рамках тех подходов, которые традиционно используются в науках естественных и о физической культуре.

Современная когнитивная наука настаивает на необходимости включения внутреннего плана в поле исследования для более глубокого понимания деятельности человека. Она настаивает на необходимости синтеза объективного и субъективного планов ее существования. Соединение в акте понимания в одно целое данных внешнего видения спортивной деятельности и ее самопереживания личностью спортсмена – такого рода задача, очевидно, наиболее перспективна.

Итак, человек, включающийся в спортивную деятельность в качестве предмета удовлетворения тех или иных потребностей, «находит» ее в обществе в готовом виде. Параметры спортивной деятельности, формы и средства общения индивидов, вовлеченных в данный вид деятельности, конфигурация спортивного действия, образцы применения энергии, а также сам социальный смысл спортивной деятельности – все это во многом задано спортсмену извне, культурой, и во многом императивно.

А теперь поставим вопрос так: что происходит в индивидуальном мире человека с теми идеальными продуктами социальной практики, закрепленными в тех или иных видах человеческой деятельности, с которыми он неминуемо встречается, вступая в коллективное взаимодействие? Они получают новую жизнь. «В этой второй своей жизни значения индивидуализируются и “субъективируются”, но лишь в том смысле, что непосредственно их движение в системе отношений общества в них уже не содержится; они вступают в иную систему отношений, в иное движение, это движение выражается “в приобретении ими пристрастности”»³.

Путь во внутренний мир спортсмена, в его когнитивную сферу полноценно открывается для исследователя лишь тогда, когда он начинает анализ с рассмотрения тех взаимоотношений, которые складываются у индивидов в процессе их взаимодействия. Логично проводить исследование социокультурного смысла феномена «спорт» с обращения к экзистенциальным установкам спортивной деятельности в эпоху античности потому, что, во-первых, именно тогда спорт «рождается» и обретает свои институционализированные формы, во-вторых, здесь возможны открытия и находки, которые помогут нам по-новому осмыслить проблемы современного спорта, и в-третьих, в античном олимпизме, по-нашему мнению, присутствуют интенции современного спорта.

Фундаментальной для анализа социальных явлений стала идея, которая была сформулирована неокантианцами – основателями школы «Анналов» и поддержана отечественными философами, о том, что исторические исследования должны начинаться не со сбора эмпирического материала, а с формулировки проблемы (М. Блок, Л. Февр, П. В. Копнин, А. Я. Гуревич). Формулировка проблемы определяется и диктуется, во-первых, глубинными потребностями современного общества, во-вторых, научными интересами самого исследователя. «Устами историка общество вопрошает прошлое о проблемах, которые его (общество) волнуют»⁴. Проблема, которая оказалась в центре внимания исследователя, определяет выбор материала изучения, исторических источников и памятников, а также способ их обработки и осмысления. «Более того, он не крохоборствует, собирая в свою копилку все, что осталось от прошлого, – он “создает” свой источник, историк расчлняет и перестраивает его в свете своей проблемы»⁵, неизбежно при этом используя свою систему ценностей. Чтобы исторические источники открылись современному исследователю, пишет Гуревич, «им нужно задавать вопросы, которые продиктованы историком собственным временем, его актуальной человеческой проблематикой»⁶.

Для исследователя-гуманитария важно понимание того, что, вовлекая в изучение тот или иной исторический источник, он неминуемо «встре-

чается» с его создателем, творцом, ибо «за зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет видеть человека»⁷.

В соответствии с поставленной задачей в качестве методологического основания исследования может быть применен диалогический метод, разработанный М. М. Бахтиным. Исходя из его концепции в каждой культуре прошлого остались нераскрытыми для нас огромные пласты смыслов, не прочитанные и не осознанные целыми историческими эпохами. Учёный считал, что чужая культура в глазах другой, более молодой, полнее и глубже раскрывает себя, обнажает новые регистры смыслов в процессе столкновения одних ценностей с другими; одна культура вступает в диалог с другой. Результатом становится преодоление замкнутости и односторонности в трактовке культурных феноменов: одна как бы прорастает новыми смыслами в другую, обогащая сама и обогащая другую культуру. «Дистанция во времени, – пишет М. Бахтин, – которая превратила греков в древних греков, имела огромное преобразующее значение: она наполнена раскрытиями в Античности все новых и новых смысловых ценностей, которых греки сами не знали, хотя сами создавали их...»⁸. Но надо иметь в виду, что диалог, в который вступают различные культуры, сложен и противоречив. Когда представитель одной культуры исследует памятники другой, он, обнаруживая в ней смыслы, ею не артикулированные достаточно ясно, одновременно с этим утрачивает некоторые аспекты исконного культурного содержания.

Сегодня, ведя диалог с Античностью с позиции человека постиндустриального XXI в., способны ли мы увидеть в античной состязательности не только то, что нам близко и понятно, что отвечает нашим интенциям, но и то, что нам чуждо и непонятно? По-видимому, распознаванию будет доступно то, что контрастирует с нашими ментальными установками, что находится в разительном противоречии с современными смысловыми схемами. Так, например, мы должны помнить, что древнегреческие состязания были немислимы вне сакрального праздника, который был неразрывно связан с религиозными представлениями человека. Очевидно, что олимпийский древнегреческий праздник сопрягал в своем единстве проявления телесности и ментальные установки греческого общества. Для того чтобы понять, какое смысловое значение имел ритуальный бег, включенный в содержание религиозного праздника, необходимо проанализировать картину мира, своего рода «психологический каркас культуры», и сравнить с тем местом, какое он занимает в современном мире. И тогда для нас станет очевидной разная смысловая наполненность греческой агональности и спорта XX–XXI вв. Современный спорт, безусловно, не име-

ет внутренней связи с религией, с магическими и ритуальными действиями, осмысливается и воспринимается сегодня как тип коммерческого предприятия, как вид досуговой деятельности и шоу-бизнеса. «Современный спорт – это деятельность, частью осуществляемая ради самой себя, частью ради других целей, столь же секулярных. Мы занимаемся бегом не для того, чтобы земля давала больше плодов. Мы возделываем землю или работаем на заводах и в офисах, и поэтому у нас остается время для спортивной игры»⁹.

Для того чтобы источники «заговорили», необходимо «правильно» задавать вопросы, беседовать с их творцами, а не назойливо их «пытать». М. Бахтин здесь подразумевает, что гуманитарий имеет дело с особым предметом исследования, за каждым предметом гуманитарного знания стоит человек (субъект, личность, дух). Предмет гуманитария таков, что метод исследовательской мысли будет направлен на предмет не в его вещной самостоятельности и материальной однородности, а в его человеческой одухотворенности, поэтому гуманитарное знание – это прежде всего раскрытие экзистенциальных установок культуры, а значит, философская антропология.

Какие же у нас есть возможности для проникновения в потаенные сферы человеческой души? По-нашему мнению, для этого есть две возможности: через доминирующий для данной эпохи тип самосознания и через анализ таких исторических ситуаций, когда происходят «слом» и «перенастройка» традиционного «умственного инструментария», когда с особой силой обнажается столкновение и противоборство различных ценностных ориентаций, через анализ картины мира.

Каждая эпоха характеризуется собственным «ментальным аппаратом», специфическими проявлениями когнитивности, которые задают особенности восприятия и способы освоения мира человеком, определяют ценностные ориентации и идеалы эпохи, параметры и механизмы человеческой деятельности. Л. Февр называет это «духовным оснащением», «умственной вооруженностью» (*outillage mental*) эпохи.

Чтобы понять античный спорт, нам необходимо обратиться к историческим истокам смысловой содержательности греческой агональности. Это позволит, по-нашему мнению, во-первых, избавиться от привычки экстраполировать современные представления на те пласты культуры, которые далеки от нас хронологически и сохраняют собственные смыслы, во-вторых, не использовать исследовательских установок, связанных с модернизированной трактовкой исторических явлений. Кроме того, мы не сможем говорить о каких-то явлениях, не уяснив их смысла, поскольку эти явления укоренены в них и без них не существуют. Что происходило в сознании человека, чем он был движим, когда был готов погибнуть не на поле боя, а во время атлетического поединка?

Нельзя сказать, что проблемы значения и места античной состязательности обойдены вниманием исследователей древнегреческой истории и культуры. Однако в многочисленной литературе, исследующей агон, установились своего рода излюбленные направления исследования. Одним из них стало исследование агона как культурологической состязательности, посредством которой в обществе опробовались, совершенствовались и закреплялись культурные ценности и нормы. Другой сферой внимания стал анализ агональности с точки зрения становления и формирования физической культуры и спорта. Не обходят своим вниманием исследователи и тему греческой «агональности» как особой формы богопочитания, одной из нескольких форм мистического общения с богами и предками. Достаточно широко представлена, особенно в зарубежной литературе, позиция, рассматривающая состязательные игры как инструмент манипулирования общественным сознанием для утверждения тех или иных ценностей, легитимирующих социальный порядок.

Однако, по-нашему мнению, исследования такого рода не дают ответа на вопрос о личностных причинах, по которым человек вступает в соревновательные отношения с другими. Таким образом, находясь только на позиции общественной целесообразности, вряд ли можно объяснить природу агональности. Здесь необходима другая точка отсчета, которая лежит в сфере тайных струн человеческой души, загадок его характера, иррациональных чаяний и стремлений, подпитываемых культурой.

Чтобы «вписать» человека в исследуемое нами спортивное состязание эпохи античной культуры, необходимо взглянуть на проблему соревновательных отношений, в которые вступали люди далеко ушедших от нас эпох, под нетрадиционным углом зрения, полагая иное наполнение категорий «свобода», «победа», «выигрыш», «поражение», «награда», «слава», «честь», «богатство» и пр. Рассматривая духовную жизнь древних греков, В. Гронбех пишет, что «мы должны не только пересмотреть все наши понятия, но и переосмыслить наш опыт», и далее – что греки «видят то, что мы видеть не в состоянии, поэтому их мысли движутся в совсем ином направлении и не обнаруживают общего знаменателя»¹⁰. Выясняется, например, что победа в Олимпийских играх, в соответствии с общими особенностями мировоззрения архаического греческого общества, не может восприниматься как личное достижение, как результат только собственных свободных усилий. Для грека незыблемо понимание мира как безразличного и даже враждебного человеку, противостоять ему

без милости богов невозможно. Как при наличии таких представлений может трактоваться и оцениваться победа конкретного человека в общеэллинском масштабе? Такая победа возможна лишь в случае активной помощи богов.

Кто же такой тогда олимпийский победитель? Он – баловень судьбы, любимец богов! Кого же, следовательно, определяет спортивное состязание? Оно определяет, по сути, лучшего грека. Об этом говорит К. Ясперс: «Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен косвенному сообщению о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи»¹¹. Понятия «честь» и «слава», которые «прячутся» у Гомера за словом «тима», имеют совершенно иной смысл, чем тот, который мы в них вкладываем в соответствии с современными этическими представлениями.

Ментальные подходы в истории спорта оказались обойденными вниманием специалистов в данной области, но такие исследования необходимы, поскольку отвечают потребности в повороте к человеку, созданию гуманистической парадигмы научного знания. История спорта, по-нашему мнению, есть не что иное как процесс разворачивания экзистенциальных потенций современного человека в единстве его душевной и телесной организации.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Визитей Н. Н.* Курс лекций по социологии спорта : учеб. пособие. М., 2006. С. 8.
- ² *Дильтей В.* Введение в науки о духе : опыт построения основ для изучения общества и истории // *Зарубежная эстетика и теория литературы. XIX–XX вв.* М., 1987. С. 122.
- ³ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 147–148.
- ⁴ *Гуревич А. Я.* История и психология // *Психологический журн.* 1991. Т. 12, № 4. С. 4–5.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Гуревич А. Я.* Историческая наука и историческая антропология // *Вопр. философии.* 1998. № 1. С. 58.
- ⁷ Цит. по: *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века / пер. с фр. Е. Лебедевой. М., 2008. С. 20.
- ⁸ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 331–332.
- ⁹ *Гутман А.* «От ритуала к рекорду». Философия, политика и культура спорта // *Логос.* 2009. № 6(73). С. 158.
- ¹⁰ Цит. по: *Хюбнер К.* Истина мифа : пер. с нем. М., 1996. С. 70.
- ¹¹ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 331–332.